

⁹ Пьеса А. Е. Корнейчука «Гибель эскадры» была показана в постановке режиссера Б. Стейскала 3 февраля 1937 г. на сцене Театра на Виноградах. Правая печать развязала против этой пьесы кампанию протеста, а пражское полицейское управление запретило дальнейший ее показ, мотивировав тем, что это создало бы «угрозу общественным интересам и спокойствию» (SUA, Praha, PMV 1936—1940, D/14, č. j. 2922/37 M 3738/37. См. также SUA, Praha, PZ, č. j. 630 d/1937).

195

Из записи беседы полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского с председателем чехословацкого правительства М. Годжей

Прага

15 февраля 1937 г.

Разговор с Годжей продолжался полтора часа. На прямой вопрос Годжи, что меня интересовало бы в области внутренней и иностранной политики Чехословакии, о чем он мог бы дать мне авторитетные разъяснения, я коротко изложил ему в основном следующее.

За последние полгода аграрная партия, к которой принадлежит и Годжа, ведет кампанию за «ревизию внешней политики» Чехословакии в сторону от Парижа — Москвы и в направлении к Берлину. Эта кампания прямо затрагивает интересы тех стран, которые твердо стоят на принципах коллективной безопасности и неделимости мира. Она, несомненно, действует разлагающе не только на страны, колеблющиеся в этих основных вопросах мира, но даже и на такие составные части мирного фронта, как Малая Антанта. Газетная кампания, которую возглавляет центральный орган аграрной партии «Венков», к сожалению, поддерживается рядом выступлений ответственных политических деятелей. Я ссылаюсь хотя бы на выступления аграрного депутата Жилки в парламенте¹. Все это производит очень тягостное впечатление на Москву, и я не могу скрыть от Годжи того, что эта кампания, в известном смысле, подрывает доверие к устойчивости наших отношений. Она же, несомненно, поощряет агрессивные тенденции ряда стран и в первую очередь Германии. Одновременно я должен констатировать, что со стороны самого Годжи не было ничего предпринято для противодействия этой кампании, хотя я знаю и постоянно докладываю в Москву о том, что между линией поведения Годжи и Бенеша, образ мыслей которого хорошо нам известен, нет никакой разницы. Однако в Москве, и, помимо меня, знакомятся с текущими событиями в Чехословакии, а, кроме того, изучают и ее историю, в которой по необходимости приходится отметить явное различие между внешнеполитическими концепциями целого ряда политических группировок, точки зрения которых и до сих пор не сблизились или сблизились весьма условно. Я был бы благодарен, если бы Годжа авторитетно разъяснил мне значение упомянутой мною кампании и тем поддержал мою спокойную точку зрения, которую я защищаю перед всеми сомневающимися и которая гласит, что Чехословакия во главе с Бенешем и Годжей является надежным звеном мирного фронта.

Годжа выслушал меня, не перебивая, а затем ответил речью, длившейся добрых три четверти часа.

Прежде всего Годжа неожиданно упрекнул меня в том, что я только теперь впервые прихожу к нему со своими сомнениями. Было бы правильной, если бы я навещал его, по крайней мере, раз в месяц, и

настоящим он просит без излишних формальностей делать это в будущем. Он мотивировал это весьма знаменательным образом: когда мининделом был Бенеш, то кабинет министров безраздельно оставлял ему внешнеполитические дела, потому что Бенеш был депутатом парламента. Крофта депутатом парламента не является, и якобы поэтому Годжа несет на себе 90 процентов ответственности по вопросам внешней политики. Поэтому он в критическую эпоху переизбрания президента временно принимал на себя руководство мининделом, но с тех пор вовсе не отошел от этих дел. Весьма горделиво Годжа заявил, что в Чехословакии по внешнеполитическим вопросам Бенеш ничего не делает без него, а он ничего не делает без Бенеша. В том же тоне он заявлял, что это он избрал Бенеша в президенты². Аграрная партия выдвигала кандидатуру Годжи и еще неизвестно, кто был бы избран, если бы Годжа принял кандидатуру. Опираясь на свое словацкое крыло в аграрной партии, Годжа, по его собственному выражению, «вышвыривал вон» всех, кто являлся с такими предложениями, потому что он, Годжа, не дурак и отлично понимал, что Чехословакия не должна потерять такой громадный «моральный капитал для заграницы», каким является Бенеш. Годжа буквально сказал: «ради этого, ради Франции и СССР, я предпочел избрать Бенеша президентом»...

Что касается СССР, то Годжа подчеркивает, что он был первым в Чехословацкой республике, выступившим публично с парламентской трибуны за признание СССР и урегулирование взаимоотношений³. Это было после Генуэзской конференции. (Такой исторический эпизод действительно имел место, но, понятно, не он определяет отношение Годжи к СССР в прошлом.) Осуществлению этой мысли помешало решительное сопротивление Крамаржа и колебания Шwegлы. Дальше Годжа заявил в несколько торжественном тоне, что он теперь говорит мне не только от себя, но и от имени всей аграрной партии и говорит следующее: вся аграрная партия без малейшего колебания стала и стоит на точке зрения государственной необходимости самых тесных взаимоотношений между Чехословакией и СССР. Лучшей иллюстрацией этому служит тот исторический факт, что стоило Бенешу в конце 1932 г. заявить о намерении урегулировать отношения и заключить с СССР договор о взаимной помощи, как аграрная партия собралась и в течение получаса единогласно приняла одобряющую резолюцию, продиктованную Годжей.

Кампания прессы, на которую я ссылался, не имеет никакого значения с точки зрения этого основного факта и ничего не меняет в нем...

Переходя к своим внешнеполитическим концепциям, Годжа говорил, что он абсолютно убежден в одном и просит и меня верить этому: если Чехословакия, при своем географическом положении, окажется изолированной, то не пройдет и года, как она не формально, а по существу превратится в провинцию великой Германии. Он ссылался на пример Австрии, говоря, что сегодня Австрия лишь формально самостоятельное государство, а по существу уже является германской провинцией. Отсюда вытекает основная внешнеполитическая задача, которую ставит себе Годжа: бороться против изоляции и связать Чехословакию как можно тесней с рядом стран, но в первую очередь с придунайскими странами. Ядром должна являться Малая Антанта, но поскольку политически здесь много разъединяющих моментов, постольку Годжа пропагандирует экономическую Малую Антанту, родившуюся по

его инициативе. Отсюда он хочет произвести экономическое завоевание ряда других стран. Годжа буквально сказал, что хочет привлечь к экономической, а затем вообще к Малой Антанте, в первую очередь Болгарию. Затем он ведет уже сейчас экономические переговоры с Венгрией⁴. В ближайшем будущем выяснится, кто будет хозяином в Венгрии. Если это будет Бетлен⁵, то этот «политик-коммерсант», как его характеризовал Годжа, отлично понимает, что Германия, прежде всего экономически, а также и политически, на обозримый период времени не может дать того, в чем нуждается Венгрия. Тогда будет легче связать Венгрию экономически. Годжа сообщил о том, что намерен в ближайшем будущем заключить торговый договор с Италией на «несколько расширенных началах», что облегчит положение Югославии и расширит базу экономических опорных пунктов Чехословакии. Лишь мельком он упомянул о том, что и с Германией торговое соглашение принимает конкретные формы. Мельком же он сказал: не забудьте, что 26 процентов нашего торгового оборота падает на Германию.

Эта часть речи Годжи была закончена заявлением, что СССР должен быть тоже заинтересован в такой организации Дунайского бассейна, которая превращала бы мелкие страны в нем в компактное целое, годное для противоставления экспансивным тенденциям пангерманизма. В этой связи Годжа в решительной форме уверял, что не мыслит себе путь в Берлин иначе, как через «организованную Среднюю Европу». Он уверял, что когда он говорит это немцам, те приходят прямо в бешенство именно потому, что понимают, насколько мелкие среднеевропейские государства усилились бы в деле защиты своей самостоятельности, если бы этот план Годжи получил практическое осуществление.

Поскольку Годжа в этом месте несколько раз повторял, что Чехословакия — маленькое государство и не может рисковать попасть в изоляцию, а для того, чтобы избежать изоляции, ей нужна организованная Средняя Европа, я подал реплику, что в европейском масштабе Чехословакия не изолирована и существующие возможности, опять-таки в европейском масштабе, более реальны и значительны, чем план организованной Средней Европы. В ответ Годжа не вспомнил ни о Франции, ни об СССР, а прямо заявил, что он, понятно, придает громадное значение роли Англии. Приятно то, что Англия начинает ближе присматриваться к среднеевропейским делам.

Я добавил, что Англия, к сожалению, до сих пор относится к тем великим державам, которые колеблются в вопросах метода сохранения мира. Если она за коллективную безопасность высказывается достаточно определенно, то в вопросе о неделимости мира этой определенности я не вижу. Годжа буквально ответил: Англия не против СССР. Я это знаю. Но она не может идти на столкновение с Германией, пока не освоила своего последнего кредита на вооружение. Сейчас интересно будет видеть, чем ответит Гитлер на эти английские 56 миллиардов крон на вооружение. Боюсь, чтобы Гитлер не пришел к убеждению, что для него невыгодно дожидаться окончания английских вооружений...

С. Александровский

Публикуется по АВП СССР.

⁴ См. прим. 4 к док. 189, а также док. 192, 193.

⁵ О президентских выборах 1935 г. в Чехословакии см. прим. 1 и 6 к док. 124.

³ См.: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. II, с. 571—574.

⁴ В 1937 г. Годжа продолжал попытки создания центральноевропейского экономического блока (см. прим. 7 к док. 126; прим. 7 к док. 135; прим. 2 к док. 175).

Однако усилия чехословацкой дипломатии по сближению с Австрией и Венгрией по-прежнему не имели успеха. С целью привлечения Венгрии к «плану Годжи» руководство Малой Антанты в 1937 г. вело переговоры о заключении с ней договора о ненападении. При этом Малая Антанта соглашалась признать равноправие Венгрии в вооружениях. Однако Венгрия не собиралась заключать соглашения с Чехословакией. В то же время курс Югославии на сближение с Италией способствовал распаду Малой Антанты.

⁵ Бетлен И. — См.: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. II, с. 59.

*Статья в газете «Руде право» — «Пушкинский вечер в «Люцерне»*¹

Прага

25 февраля 1937 г.

Самым лучшим ответом на все антикультурные кампании, проводимые правыми, являются культурные мероприятия. Самым лучшим ответом является также солидарность в области искусства и желание защищать и признавать культурные ценности. Поэтому одним из лучших ответов всем лицам, отравляющим культурную жизнь, послушно выполняющим команды из Берлина, являются Пушкинские торжества в Чехословакии. Можно сказать, что эти празднества стали действительно мощной манифестацией, в которой приняли участие представители нашей культуры. Чешские фашисты, по-рабски подражая Геббельсу², назвали Пушкинские торжества большевизмом. Но они доказали только то, что являются полнейшими невеждами. На другой стороне оказался Э. Ф. Бурнан со своей замечательной инсценировкой «Евгения Онегина»; другие чешские, словацкие и немецкие писатели выразили свое отношение к Пушкину в прекрасном сборнике «Вечный Пушкин», изданном при участии советского полпреда С. С. Александровского. И точно такой же замечательной манифестацией стал Пушкинский вечер, состоявшийся во вторник в Пражской «Люцерне», организованный более чем тридцатью культурными организациями при участии артистов Национального театра, Городского театра и Немецкого театра в Праге. В зале, украшенном архитектором Ф. Зеленкой³, собрались свыше 4 тысяч человек. Доклад сделал проф. Зденек Неедлы, с чтением произведений Пушкина выступили Карел Достал⁴, Л. Фреслова, П. Лотар, Иржи Догнал⁵, В. Выдра младший⁶ и Вацлав Выдра⁷, Рудольф Дейл⁸, Франт. Зальцер, Эва Врхлицка⁹, Ярослав Пруха, Войта Новак¹⁰, Б. Пульпанова, Э. Фрейнд, Франт. Вноушек, Вилли Волькер. Романсы и песни исполняли Зденек Отава, М. Будикова, Ваврова, И. Урбан и хор «Типография».

Вечер был удачно разделен на несколько частей, которые были посвящены Пушкину — лирику и Пушкину — социальному поэту. В другой части вечера исполнялись произведения чешских, словацких и немецких поэтов. Вечер прошел с большим успехом. Восторженные овации, которыми были награждены выступающие и поэт, показывают, что понятия культуры и искусства глубоко связаны с народом и что те, кто пытается импортировать к нам чуждую моду из Берлина, по-